

опираясь на наблюдения над миниатюрой, вынужден следующим образом объяснить набор изображений на верху шипака: «Три верхних изображения на шлеме вполне объяснимы, так как это патроны семейства: Федор — патрон самого владельца, Георгий — деда (Юрия Долгорукого), Василий — прадеда, родоначальника Мономашичей — Владимира Мономаха».

Где же в таком случае помещено патрональное обозначение отчества? На этот вопрос Б. А. Рыбаков отвечает так: «Минусом этой гипотезы является то, что мы не знаем крестного имени отца Мстислава-Федора, князя Ростислава Юрьевича. Если он носил имя Михаила (как Ростислав Смоленский) или Василия, то подбор патрональных святых подтверждал бы эту гипотезу».

Если отца князя звали Ростиславом-Михилом, то приведенная выше схема патрональных святых остается в силе, а вынесение архангела Михаила, патрона отца князя, на чело объясняется тем, что Михаил — «великий архистратиг», «небесных сил воевода», т. е. прежде всего патрон всех полководцев»⁴⁸.

Все это построение представляется нам неверным. И не потому, что Б. А. Рыбаков исходит из единства композиции всех изображений шлема, хотя им самим обосновывались поздний характер и инородность пластины с изображением Михаила, а потому, что отца Мстислава Ростиславича — Ростислава Юрьевича не могли в крещении звать ни Михаилом, ни Василием. У него, как это хорошо известно, родными братьями, жившими с ним в одно время, были Василько и Михалко. Поэтому он не мог не называться иначе.

Нам по-прежнему представляется наиболее аргументированным мнение о принадлежности имени Федор и шлема Ярослава Всеволодовича одному из двух сыновей Юрия Долгорукого — Ростиславу или Мстиславу.

Уточнить это решение не помогает пока и обращение к другим буллам с изображением св. Георгия, еще нами не рассмотренным. Понятно, что, если бы нам удалось определить принадлежность одному из названных выше Юрьевичей буллы с изображением святых Георгия и Василия (№ 230), на долю другого осталась бы именно та группа печатей, которая оказалась столь трудной для определения.

Однако георгиевская печать с изображением св. Василия не имеет отношения ни к Ростиславу Юрьевичу, ни к его младшему брату Мстиславу. Она не может принадлежать какому-либо из

этих князей, поскольку у них был брат Василько Юрьевич и, следовательно, ни одного из них не звали Василием.

Следует так же решительно отбросить предположение, что Ростиславу и Мстиславу Юрьевичам могли бы соответствовать какие-либо варианты печатей с изображением святых Георгия и Андрея и святых Георгия и Димитрия. Такие печати, как уже отмечено, представлены в разновидностях, и поэтому теоретически допустима мысль, что каждый из этих типов принадлежал не одному, а разным князьям. У Мстислава и Ростислава Юрьевичей были братья по имени Андрей (Андрей Боголюбский) и Димитрий (Всеволод Большое Гнездо). Поэтому указанные имена им принадлежать не могли.

Из всех этих рассуждений возможен только один вывод. В собранных сейчас материалах буллы одного из княживших в Новгороде братьев Юрьевичей пока не представлены.

Не предвещая вывод о конкретной атрибуции буллы, несущей изображение святых Георгия и Василия, мы должны обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Этот тип по своему художественному характеру резко отличен от обычных для XII в. печатей с их статичными композициями, неизменным изображением воинов в полный рост с копьём параллельно туловищу в правой руке и со щитом в левой руке. На булле с изображением Василия Георгий извлекает меч из ножен, его щит заброшен за спину. Эта сравнительно поздняя композиция находит себе ближайшие аналогии в тех буллах, которые мы отнесли ко времени Всеволода Юрьевича: на обоих вариантах таких печатей (№ 211, 212) св. Димитрий извлекает меч из ножен. Рассматриваемая печать обнаруживает также общую стилистическую близость к тем вариантам борисоглебских печатей, которые выше определены принадлежащими князьям Святославу и Всеволоду Мстиславичам (№ 207, 208). По-видимому, владельца этой печати следует искать в хронологических рамках первой четверти XIII в.

Н. П. Лихачев, издавший печать с изображением святых Георгия и Василия, высказал предположение об ее принадлежности Юрию Долгорукому, которого в крещении звали Георгием Васильевичем⁴⁹. Однако такое определение неприемлемо из-за только что отмеченной анахроничности ее композиции периоду деятельности Юрия Долгорукого.

В этой связи уместно коснуться здесь одного вопроса, важного как в методическом, так и в

⁴⁸ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 35.

⁴⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 79—81.